

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мы недооцениваем потребность в понимании, когда, подобно прагматикам и бергсенианцам ставим ее в полную зависимость от принципа пользы»

Гастон Башляр «Психоанализ огня»¹

Соотнесение общих представлений о языке, которых придерживались основоположник французской филологии Г. Парис и родоначальник теоретической лингвистики Ф. де Соссюр, обнаруживает преемственность идей в истории лингвистических учений, даже когда они не вполне сопоставимы по «видимым признакам». Я стремился не утратить портретной индивидуальности действующих лиц, неповторимости их авторских голосов. Они уже смутно различимы в составе современного «фонового знания», отображающего жизнь идей во многом обезличено.

Казалось бы, науки о языке менее ответственны и перед общей историей, и перед «поисками истины», призванными ограничить безудержный полет фантазии, а также неоправданную формализацию и редукцию языкового материала. Нельзя забывать, что сам по себе языковой материал в различных своих проявлениях служит одним из важнейших исторических (и этнографических) источников. А «учения о языке» не только подпитываются доминирующими «идеями истории»: они по-своему трансформируют их.

«Уровень знаний» в лингвистике, отпочковавшейся от фило-

¹ *Башляр Г.* Психоанализ огня / Перев. и предисл. Н. В. Кисловой. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. С. 26 (фр. изд.: 1989).

логии, задан в конечном итоге совокупным опытом ряда конкурирующих между собой исследовательских направлений, сложившихся на фоне достижений *научного языкознания* в XIX—XX столетиях. Этот опыт в его индивидуальных проявлениях отражает и разные состояния культуры, и различное понимание природы вещей, а тем более природы *Слова*. Устоявшаяся парадигма науки — лингвистическая терминология и самое общее понимание того, *что есть язык*, накладывает отпечаток на восприятие предшествующих этапов языковедения, когда те или иные понятия и концепции едва намечались в недрах классической филологической мысли.

Сравнительно-исторический метод резко видоизменил, но и усложнил более привычные представления о развитии языка в его исторических проявлениях и в качестве универсальной формы речемыслительной деятельности. На фоне специфических приемов и методов изучения языка собственно филологические (культурно-исторические) и логико-философские учения о языке оказались как бы противопоставленными. Практически поляризовались формально-логические и естественнонаучные критерии объективации речемыслительной деятельности — *деятельности со знаками* (речевыми сигналами)¹. Пресловутый «психологизм», наряду с «биологическими метафорами», был вытеснен из языкознания умозрительными (и позитивистскими) попытками моделирования функций «чистых» *лингвистических*

¹ Вызывает недоумение, например, следующий тезис, призванный разъяснить сущность так называемых когнитивных наук, эксплицитно противопоставленных «весу, набранному в течение двух тысяч лет философствования»: «Действительно ли значимое (meaningful) мышление и рассуждение связаны только с оперированием абстрактными символами и их соотношением с объективной реальностью, вне зависимости от какого-либо воплощения (возможно, за исключением ограничений, накладываемых организмом)?»

Или же мышление и рассуждение существенно связаны с природой мыслящего организма — включая природу его тела, взаимодействие его с окружением, его социальный характер и так далее?» (*Лакофф* 2003: 15, — англ. изд. 1985). На первый вопрос, разумеется, автор отвечает «нет», на второй — «да». При этом Дж. Лакофф игнорирует всю историю европейской науки, в том числе русскую, а также «докогнитивную» американскую лингвистику.

знаков. Однако произошедшая в семиотике (или семиологии) д е с е м а н т и з а ц и я знаковых структур, включая язык, вступает в противоречие с определением языка как имманентного качества и условия становления *человека разумного* — его с о з н а н и я, представляющего высшую форму нервно-психической деятельности. Если согласиться, что формирование вида *Homo sapiens sapiens* подчинено общим закономерностям эволюции живой природы (включая предпосылки антропосоциогенеза), нельзя пренебрегать *реальной детерминированностью речевых сигналов*, а точнее — их значимостью.

З н а ч и м о с т ь ¹ речевого сигнала (словесного или лингвистического знака — здесь нет терминологической подмены) как в онтогенезе, так и в филогенезе изначально обусловлена м о т и в а м и и ц е л я м и человеческой деятельности (косвенным образом она связана с выживанием вида *человека разумного*). В этом аспекте основная функция языка оказывается скорее *экзистенциальной*, чем *коммуникативной*, а тем более *когнитивной*². Правильнее утверждать, что язык (деятельность со знаками) сотворил человека — его сознание, а не человек тем или иным образом «изобрел» язык (см.: Сухачев 2007). Только с появлением древнейших зачатков языка прослеживаются начала культуры в самом широком ее определении — как традиции усвоения и передачи постоянно расширяющегося опыта человечества.

Я пытался уяснить представления об эволюции языка и его

¹ По определению Соссюра, *la valeur* (см.: Сухачев 2013).

² Ср.: «Те из моих мыслей, что порождены потоком жизни, никогда не бывают преимущественно интеллектуальными: это движения мысли, сопровождаемые эмоциями <...> это проявления воли, это жизненные импульсы. Конечно, эти разнообразные порывы я осознаю с помощью разума, но не разум составляет их сущность, он всего лишь их проводник, их режиссер и постановщик. Такая форма мысли, а только она обычна и нормальна, находит точное отражение в естественном языке, и, если это верно, то язык совсем не то, в чем пытаются нас убедить логика и эстетика» (Балли 2003: 28). В цитированном пассаже просматривается и влияние на концепцию языка, разделяемую Ш. Балли, философии А. Бергсона — его *élan vital* «жизненного порыва», и знакомство с книгой Б. Кроче «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1-е изд. 1901).

варьировании во времени и пространстве, по возможности, в том виде, как они представлены в научном наследии Г. Париса и Ф. де Соссюра. Они высвечены на несколько обобщенном культурном фоне второй половины XIX — начала XX века и в контексте современного знания о *Языке* в его универсальном (*la langue* в соссюрской лекции 1891 г., наряду с *le langage*, см.: Bouquet 1997: 137, прим. 3; 139, прим. 2; 141 и сл.)¹ и идиоэтническом проявлениях, то есть в исторических языках (соссюрское *les langues*, противостоящее *la langue* в преамбуле к лекции от 4 ноября 1910 г., — *ibid.*: 138). Такой ракурс рассмотрения истории языка предполагает подключение к этой задаче вопроса о соотношении сугубо *субъективного* (личностного или «психологического») и *интерсубъективного* (межличностного или социального) аспектов речевой деятельности. Оба этих аспекта равным образом относятся к *языку вообще* (*le langage*) и к *отдельно взятому языку* (*la langue*), который в конкретных своих реализациях (в речевых актах или в языковом материале) именуется *речью* (соссюрское *la parole*).

В контексте «исторической эпистемологии» рассматриваемая тема пересекается, на мой взгляд, с общефилософской проблематикой разграничения онтологической и гносеологической составляющих в структуре человеческого знания и в истории идей. Частое обращение к цитатам в последующем изложении объясняется необходимостью компенсировать субъективность обобщений, вызванных *авторским* видением истории европейской — особенно французской, но и русской культурной традиции.

Очерченный сюжет — и с т о р и я я з ы к а — можно считать ключевым для романской филологии, в становлении которой заслуги Г. Париса неоспоримы. Основные же положения «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра (1-е изд.: 1916) спустя столетие все еще остаются актуальными и дискуссионными в рамках общезыковедческой проблематики. Намечая некото-

¹ Р. Энглер различает в текстах Соссюра следующие значения слова *la langue*: 1) отдельное языковое образование (*l'idiome particulier*), 2) синхроническое равновесие такого образования (*l'équilibre synchrone de cet idiome*), 3) общий характер языков (*la généralité dans les langues*). Почти сразу же в значении (3) Соссюр начинает употреблять *le langage*, см.: Bouquet 1997: 142, notes 2-3, — ссылка на: Engler 1962.

рые точки зрения на те или иные формулировки соссюровского «Курса...», я не углубляюсь в их детальный анализ¹. Наиболее контрастные высказывания о понятиях, имеющих, на мой взгляд, базисный характер для научной мысли Г. Париса и Ф. де Соссюра, приводятся по ходу изложения.

Дополнительно можно лишь подчеркнуть, что, если хорошая теория должна вырабатывать проверяемые гипотезы, то различные «структуралистские» концепции, сформировавшиеся в послесоссюровском языкознании, не могут удовлетворять такому условию уже в силу своей формализованности. Внутренняя согласованность теории не всегда приводит к рабочим определениям, имеющим практическую ценность для анализа конкретного языкового материала.

Обновление традиционной парадигмы, известное во французской лингвистической эпистемологии в качестве «соссюровского переворота» (“*rupture saussurienne*”), в традиции отечественной филологической науки могло бы быть переформулировано как проблема «архаистов и новаторов»². Допустимо утверждать, что смена исследовательских установок и терминологии — привычное состояние для лингвистической мысли, живо откликающейся на философские, логические и психологические концепции языка и мышления, но при этом часто их сопрягающей несколько эклектически. Без критического анализа понятий *лингвистического знака, значимости, означаемого и означающего, смысла и значения* невозможно понять ни новаторства Соссюра, ни его пафоса строгого противопоставления, с одной стороны, *с и н х р о н и и*, а с другой — *проспективной и ретроспективной д и а х р о н и й* как различных аспектов рассмотрения языкового материала.

В статье Р. Энглера «Под знаком истории» сквозят аллюзии на косвенную преемственность некоторых высказываний Г. Париса в «Курсе...» Ф. де Соссюра (Engler 1980). Их общее звучание, правда, соотнесено с «духом эпохи». Разумеется, говорить о прямых влияниях в данном случае нет достаточных оснований, но и переключка идей (вывод об их близости, и

¹ См.: Godel 1957; Engler 1968; Bouquet 1997; Слюсарева 1975; 1990. Также ср.: Иванова, Сухачев 2000; Сухачев 2000; 2004; 2011; 2013; Bouquet, Engler, Sanders, Pires 2006.

² См. одноименный сборник статей Ю. Н. Тынянова (изд.: 1929).

впрямь, напрашивается), скорее всего, объясняется причинами мировоззренческого, а не сугубо языковедческого подхода к предмету размышлений¹.

Обращение к культурно-историческим аспектам функционирования языка требует и овладения определенной «идеей истории», что не всегда обеспечивается ориентацией лингвистов на дескриптивные или компаративистские методы и приемы изучения языкового материала. Никакая «культурология» не может подменить обращения к подлинной истории культуры, как и семиотика не отменяет знания языковых реалий — их постижение невозможно без пристального внимания к внелингвистическим фактам.

«Лингвистическая историография», то есть изучение лингвистических идей и методов в их развитии — есть естественная составляющая истории культуры. Далее я попытаюсь показать это применительно к представлениям о истории языка и на том временном отрезке, относительно коротком, когда совершался переход от традиционной филологии, отчасти идеализирующей древние языки и культурные традиции, к современным лингвистическим теориям и исследовательским методам, инициированным «Курсом...» Ф. де Соссюра.

Автор стремился по возможности корректнее поставить обсуждаемые вопросы. Ссылки на литературу, упоминаемую мной исключительно в качестве «фонового знания», приводятся в постраничных примечаниях.

¹ Нельзя упускать из виду и то почтение к «учителю», которое просматривается в наследии Ф. де Соссюра, хотя он не был прямым учеником Г. Париса.

1. ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЗМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

«Философия истории — это кентавр, *contradictio in adjecto*; ибо история, то есть координация есть нефилософия, а философия, то есть субординация есть неистория»

*Якоб Бурхардт. «Размышления...»*¹

Характерное в большей мере для отечественной науки, чем для западноевропейской, мнение об особом «историзме» языкознания XIX в. является несомненным преувеличением. Речь могла бы идти, как и для предшествовавших эпох, лишь о вовлечении собственно исторической или мировоззренческой компоненты культуры в исследования языковедческой направленности. К этому добавилась более последовательная разработка *на д и с т о р и ч е с к о г о* компаративистского подхода к изучению языков, оказавшихся в поле зрения европейских эрудитов, что, в частности, привело к вычленению индоевропейской семьи из языкового континуума (Сухачев 2007: 20), который просветителями привычно воспринимался как некая вневременная и, пожалуй, символическая (знаковая) по своей природе человеческая универсалия². А сравнение сводится ско-

¹ Бурхардт Я. Размышления о всемирной истории // Пер. с нем. А. В. Дронова и А. Г. Гаджикурбанова; послесл. А. Г. Гаджикурбанова. М., 2014. С. 12 (1-е нем. изд.: 1905).

² Ср.: «Благодаря языку мыслящая душа моя связана с душою первого, а может быть, и последнего человека на земле; короче говоря, язык — это *печать* (выделено мной, — Н. С.) нашего разума, благодаря которой разум обретает видимый облик и передается из поколе-

рее к систематизации изучаемого материала по определенным критериям и продумыванию причинно-необходимых связей между сходными явлениями, чем к их осмыслению в реальном историческом контексте. Впрочем, само время, несомненно, предстает в качестве упорядочивающего начала, приводящего изначальный хаос разнообразных событий к последовательному их множеству, что соотносится, в частности, с подмеченным Ф. де Соссюром принципом *линейности* знаковой системы. Хотя, трехмерность событийного мира более адекватно должна бы отражаться «в трехмерном мире языка» (напр., см.: *Степанов* 1985).

Сколько-либо разработанные концепции истории языка намечаются только в конце XIX — начале XX столетия. С этого же времени начинается основательный пересмотр методов и источников самой исторической науки. Не случайно коллективная монография, посвященная представлениям о развитии языка в первой половине XIX века (*Понимание...* 1984), открывается статьей о повороте научной мысли к историзму на фоне трудов И. Г. Гердера («Идеи к философии истории человечества», 1784–1791) и Г. Гегеля («Феноменология духа», 1805–1806).

Хронологически, вроде бы, представления об изменении «в языкознании возникли раньше, чем в биологии» (*Кузьменко* 1984: 47):

«Уже в XVI—XVII вв. появляются работы, показывающие, что современные романские языки произошли из латыни, а современные германские — из готского» (там же).

Вместе с тем, на разброс мнений о возникновении языка или языков и о причине различий между ними несомненно влияла не только креационистская идея «об одновременности происхождения мира», но и особое понимание слова-логоса как «Библии», так и в суждениях о языке от Платона и Аристотеля

ния в поколение» (*Гердер* 1977: 236). При слове *печатать* переводчик (А. В. Михайлов) уточняет: «У Гердера здесь стоит слово *характер* (подразумевается греческое *charactēr*). Это слово, как и другие, близкие к нему по значению (Typen, Merkmale, Ideenzeichen, Denkmale, Hieroglyphen, Symbol, Ziffern и мн. др.) образует тут у Гердера хорошо разработанную картину знаков-отпечатков, “черточек”, букв (характеров), загадочным, но надежным образом запечатляющих и порождающих смысл» (там же: 661).

до мыслителей Просвещения. И если, по Гердеру, «род человеческий погружен в одну непрекращающуюся метаморфозу» (Гердер 1977: 170; ср.: Смирницкая 1984: 9), этому предшествует посылка, что Бог научил человека искусству «запечатлеть свои идеи в звуках»:

«...называть вещи звуками речи и царить на всей Земле с помощью глаголов, исходящих из уст человека. Итак, всякий разум, всякое искусство человека начинается с языка; ибо лишь благодаря языку человек царит и над самим собою и властен раздумывать и выбирать» (там же: 98).

Представления о развитии языка естественным образом сопригались с тем, что в определенную эпоху понималось под культурно-исторической традицией. Этим обусловлен вывод:

«В языкознании в отличие от биологии структурная иерархия сразу же стала восприниматься как иерархия генетическая» (Кузьменко 1984: 47).

Все-таки, последняя то и дело переплеталась и смешивалась с *иерархией типов*. Показательно, например, замечание Ф. де Соссюра в заметке к лекционному курсу 1908—1909 гг. «Уитни и роль индоевропейского языкознания»:

«Не стоит поддаваться несколько детской иллюзии и полагать, что французский, английский или немецкий, будучи нам близки, являются собой более *простой тип языка* (выделено мной, — Н. С.), по сравнению с древнееврейским или китайским, одно название которых всегда вызывает представление о *summit* (здесь ‘пределе’, — Н. С.) языковой сложности <...> то же самое можно сказать об исходном состоянии индоевропейского языка в том виде, в каком мы его воссоздаем с помощью метода реконструкции...» (Соссюр 1990: 174).

Своеобразно понимание «генетического» даже у основателя «сравнительной антропологии» — В. фон Гумбольдта, утверждавшего: «каждый язык заключается в акте его реального порождения» (Гумбольдт 1984: 70)¹.

¹ Оформи́вшаяся к 1795 г. концепция сравнительной антропологии была нацелена на выявление духовной организации различных народов. Та же задача стояла перед Гумбольдтом в сочинении «О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества» (1830–1835). Акт «реального порождения» согласуется с принципом: «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а

Речь идет о г е н е з и с е , отчасти понимаемом еще в согласии с креационистской идеей происхождения человека и его языка. Она не препятствовала стадиальным теориям, развивавшимся компаративистами в XIX веке. Библейская история ничуть не противоречит сравнительно-историческому методу во всех его вариациях, вплоть до ностратических гипотез, допускающих в конечном счете изначальное родство всех известных исторических языков, которые еще в XVII в. возводились к *языку Адама* (см.: Эко 2007: 17–20, 300 и сл.). Открытие компаративистами индоевропейской языковой семьи, ее вычленение из континуума универсального «адамова языка», не принуждало к восстановлению первоязыка. Тем более не требовали этого прочно устоявшиеся представления о близком родстве романских языков между собой и с латинским, от которого эти «неолатинские наречия» отпочковались.

Вопрос о том, как соотносятся между собой язык и история, впервые отчетливо был поставлен в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Это не означает, что историческое осмысление языка было совершенно чуждо его предшественникам, но чаще речь шла об отражении истории в «зеркале языка», чем о *продумывании специфических связей между языком и историей*.

1.1. Идея истории в XIX столетии во многом оставалась романтизированной и тяготела к циклическому пониманию «прогресса» и «упадка» человечества, восходящему чуть ли не к трактату Дж. Вико «Основания Новой науки об общей природе наций» (1725), различавшему в повторяющейся истории каждого народа три «возраста» — «божественный», «героический» и «человеческий». Если и д е я и с т о р и и , обнаруживающаяся у Г. Париса (см. раздел 2.4), вписывается в обрисованную картину, Соссюр задает уже новое ее понимание, требующее, по крайней мере, помимо учета общего культурного фона, также осмысления специфики преломления исторических факторов через призму исследуемого объекта — *языка вообще* (le lan-

деятельность (Energeia). Его порождение может быть поэтому только генетическим» (Гумбольдт 1984: 70, статья 1820 г.), откуда: «Определение языка как деятельности духа совершенно правильно и адекватно уже потому, что бытие духа вообще может мыслиться только в деятельности и в качестве таковой» (там же).

gage). То или иное его теоретическое моделирование жестко обусловлено пониманием отношений, складывающихся в сфере сознания между личностным *смыслом* и социально обусловленным *значением*. Речь при этом идет о корректном продумывании знаковой теории, включающей «теорию значения», которая, если к ней присмотреться, все еще сводится к констатации засвидетельствованных в истории определенного языка значений слов и к более или менее удачным попыткам толкования семантических сдвигов, наблюдаемых в процессе их анализа. Так, в своих женевских лекциях по общей лингвистике Соссюр отмечал (запись А. Ридлингера, курс 1908—1909 гг.):

«Часто Боппу противопоставляют Гримма как основателя исторической грамматики. Можно только сказать, что Бопп преимущественно занимался сравнением (у Боппа отсутствует действительно историческое виденье языка!), Гримм имел дело с более историческим материалом (древне-верхне-<немецкий,> средне-верхне-немецкий: от **столетия** к столетию видны изменения языка и заметно его течение), что вело его к более историческому изложению предмета. Но нельзя сказать, что Гримм был <основателем принципов исторической грамматики>. Некоторые фантазмагии у Гримма доходят до крайности <...> Это же не означает отдавать себе отчет в историческом движении (action) языка» (Saussure 1989: 15, col. 2, II R 131).

Характеризуя программу младограмматиков, «в основном германистов», Соссюр в том же лекционном курсе утверждал (запись Э. Константена):

«Сколь ни разумной представляется нам сегодня историческая точка зрения, можно заниматься сравнением, не занимаясь историей, — это то, что и делалось» (ibid: 17, кол. 2, С 116)].

В следующем семестре аналогичное замечание (запись Ж. Дегаля, курс 1910—1911 гг.):

«Имелась *историческая перспектива*, и через эту перспективу — настоящее нанизывание **фактов**» (ibid: D 2).

Приведенные констатации несколько проясняют наброски Соссюра к первой женевской лекции, помеченные автором ноябрем 1891 г. Из них следует, что «*язык имеет свою историю*», но лингвистика, как и геология, изучающая историю Земли, не сводится к *исторической науке*:

«по крайней мере в том узком и точном смысле, который мы при- даем этому термину» (Соссюр 1990: 41).